

трагедии. Используя «мандалу» как своеобразную художественную форму, позволяющую более глубоко проникнуть в семантику произведения, И. Рычлова отталкивается от ее значения, данного профессором М. Микулашеком («взаимосвязь цепи тематических, идейных и действенных единиц и частей») и К. Юнгом (как «символический, магический круг»). Образую внутренний центр, автор делит пьесу на две половины – светлую и темную, символизирующие силы добра и зла. Применяя эту схему к трагедии, выделяет в ней два мира мнимого магического круга – темный и светлый. Этот круг концентрирует в себе философское содержание, которое «являет собой рефлексии всего нашего двадцатого века». Интерес представляет взгляд исследователя на художественную структуру пьесы. Структурообразующим элементом трагедии, с точки зрения автора, является оппозиция между «мы» и «они», добром и злом, между «миром психов» и фантазмагорическим «миром в белом». Отсюда и метафорическое название монографии «Белый танец», данное в ключе постмодернизма.

Особое значение И. Рычлова придает художественным средствам произведения, выделяя иронию и пародию, с помощью которых создается «языковая маска», обнажающая сущность действительности. Отмечая иронию сократовского типа или «противоиронию» (М. Эпштейн), лишенную «гражданского пафоса и правомерного обличения», автор подчеркивает, что Вен. Ерофеев использует готовые иронические «шаблоны», прочно закрепленные в сознании читателя.

Применяя герменевтический метод исследования, И. Рычлова дает свое толкование художественного текста пьесы, тесно связывая его с биографией писателя, поэтому большое место в работе отводит жизни и творческой деятельности Вен. Ерофеева.

Исследователь заключает, что трагедия Вен. Ерофеева отражает проблематику апокалиптического реализма и глубокий кризис мира, обусловивший постмодернистскую эстетику, выделяя при этом интегральный символ русского постмодернизма – смерть. Она становится пространством метаморфоз, «соединяющих хаос поэтического сознания с хаосом тоталитарного безумия». Общая семиотическая модель: сначала нужно умереть, чтобы потом родиться – находит свое решение и в этом произведении. Ибо смерть – катарсис, очищение, вот почему апокалиптически-реалистическое направление русского постмодернизма лишено пессимизма.

Монография свидетельствует о глубококом и вдумчивом прочтении пьесы Вен. Ерофеева, иллюстрируя один из тезисов постмодернизма – «множественность истины», что позволяет трактовать произведение неоднозначно, по-своему, так, как это продемонстрировала И. Рычлова.

С.Я. Гончарова-Грабовская,
доктор филологических наук, профессор

Языковая природа афоризма. Очерки и извлечения / Сост., общ. ред., предисл. и вступ. ст. Е.Е. Иванова; Пер. с бел. Е.Е. Иванова, С.Ф. Ивановой. Могилев: Могилев. гос. ун-т им. А.А. Кулешова, 2001. 440 с.

В рецензируемом издании, рекомендованном Научно-методическим центром книги и средств обучения Министерства образования Республики Беларусь в качестве пособия для студентов филологических специальностей высших учебных заведений, представлены фрагменты лингвистических и паремнологических исследований афоризмов. Говоря словами составителя Е.Е. Иванова, книга – «первый в лингвистической литературе опыт специальной компиляции, посвященной проблемам афористики» (с. 7). В хронологическом плане круг авторов ограничен XX в. (за исключением А.А. Потебни), а лингвогеографически – работами русских и белорусских исследователей. Благодаря обращению к работам таких известных специалистов по филологии, как А.А. Потебня, академики Н.Т. Федоренко, М.Л. Гаспаров, В.В. Виноградов, профессор Г.О. Винокур, зачинатели структурной паремнологии Г.Л. Пермяков и Ю.И. Левин, а также благодаря широкой библиографии (273 позиции) панорама идей и проблем, связанных с афористикой, представлена в книге достаточно полно: как очень значительная и увлекательная, тесно связанная с разными другими вопросами языкознания, риторики и литературы.

Книга не является обычным хрестоматийным изданием, так как в нее наряду с фрагментами работ, ставших классическими, включены статьи самого составителя Е.Е. Иванова, а также фрагменты из сравнительно новых исследований в области афористики. Библиография в подстрочных примечаниях, в списке литературы, помещенной в конце сборника, демонстрирует богатство использованного материала.

Открывает книгу вступительная статья Е.Е. Иванова «Афоризм как объект лингвистики (Очерк истории и проблематики изучения)», в которой подробно анализируются основные направления в изучении афоризмов как единиц языка и речи.

Основными проблемами в исследовании лингвистической природы афоризма, по мнению автора, являются «отсутствие единства концептуальных и методологических подходов к его изучению, неразработанность соответствующего метаязыка описания, частная проблематика и атомарный характер исследований, а также вообще их относительно небольшое количество (...)» (с. 12).

Отмечая, что лингвистическое направление в афористике начало развиваться сравнительно недавно (вторая половина XX в.), автор подчеркивает, что впервые лингвистическому осмыслению афоризмы стали подвергаться в рамках литературоведческого направления в афористике. Тщательное изучение литературы по данному вопросу позволило четко сформулировать основные проблемы, связанные с лингвистической ин-

терпретацией афоризма в терминах литературоведения. Это прежде всего узкое толкование понятия "афоризм" как "литературно-художественного текста или определенной его разновидности" и его анализ только с позиций стилистики (с. 34–39). В этой связи остается открытой, по мнению автора, проблема дифференциации литературных и фольклорных афоризмов. Заслуживает внимания его замечание о традиционной неэксплицитности понятия "афоризм" по отношению к пословицам и поговоркам.

Особо следует отметить анализ основных подходов к изучению афоризмов как единиц языка и речи. Свободно ориентируясь в литературе по данной тематике, автор подробно рассматривает современное состояние лингвистической теории афоризмов и направления ее исследования.

Антология состоит из шести разделов:

В 1-й раздел ("Из истории изучения языковой природы афоризма (XIX – первая половина XX в.)") включены фрагменты из работ А.А. Потебни, М.А. Рыбниковой, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура. Во 2-м разделе ("Дефиниции, общие замечания и диахронические экскурсы"), самом большом в книге (более 100 страниц), представлены работы Ф.М. Янковского, А.С. Аксамитова, А.Е. Михневича, М.Л. Гаспарова, М.Н. Эпштейна, Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольской, Г.Н. Моложай, Ю.Е. Прохорова, а также две работы составителя. В 3-м разделе "Взгляды на афоризм как единицу фразеологического состава языка" даны фрагменты из работ двух сторонников такого широкого, если не сказать расплывчатого, понимания фразеологии – С.Г. Гаврина и Б.А. Плотникова. Проблематика 4-го раздела "Осмысление языковой природы афоризма в терминах структурной паремиологии" представлена работами Г.Л. Пермякова, Ю.И. Левина и М.А. Черкасского. В 5-м разделе "Лингвострановедческая теория афоризма" помещены фрагменты из двух работ В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина и из статьи составителя. В 6-й раздел ("Попытки описания афоризма в рамках функционально-семантической типологии высказывания") вошли работы В.И. Шмариновой и Е.Н. Гавриловой, посвященные одному аспекту смысловой организации афоризма – его универсально-обобщающему характеру. В завершение читателю предлагается ряд вопросов, ответы на которые помогут систематизировать усвоенный материал.

Важным источником для дальнейших исследований послужит обширный список литературы по афористике. В интересах читателя было бы полезно разделение библиографии на две части: вначале – список паремиологических сборников и словарей, а затем – исследований по паремиологии. В сборнике паремиологические первоисточники (важнейшая часть библиографии) теряются в общей массе библиографии. Отмечу тем не менее пропуски двух важных новых изданий афоризмов: 1) Аксамітаў А.С. Прыказкі і прымаўкі (Мн., 2000) и 2) Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь

крылатых слов русского языка: Около 4000 словарных единиц (М., 2000). Ни в кириллическом списке литературы, ни в библиографии на латинке не значатся также популярные сборники афоризмов Ст. Леца.

С учетом содержательного разнообразия книги, ее большого объема было бы желательно опубликовать именной указатель.

К сожалению, объем сборника не позволил включить в него работы зарубежных исследователей. Но из всего многообразия литературы по данной проблематике на русском и белорусском языках Е.Е. Иванову удалось выбрать самые интересные и значительные материалы. В целом сборник является важным, ценным и необходимым изданием.

Е.Н. Ясюкевич

Natal'ia Kisial'ovova. *Úvod do fonetiky bieloruskeho jazyka*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, 2000. 177 s.

Рэцэнзуемая кніга Наталлі Кісялёвай "Уводзіны ў фанетыку беларускай мовы" – бадай што, першае выданне на беларускай мове для славацкіх студэнтаў. Наталля Кісялёва, дарэчы, былая выпускніца філфака БДУ, вядзе курс беларускай мовы на перакладчыцкім аддзяленні ўніверсітэта імя Матэя Бэла ў горадзе Банска-Быстрыца. Зазначым, што беларуская мова выкладаецца і ў яшчэ адным славацкім ўніверсітэце – у горадзе Прэшаў.

Змест кнігі значна шырэйшы за яе назву: тут разглядаюцца не толькі пытанні беларускай фанетыкі, але і змяшчаюцца матэрыялы па арфаграфіі, граматыцы, лексіцы і фразеалогіі беларускай мовы. Уводная частка дапаможніка ўключае, па-першае, сціслы гістарычны нарыс пра мову і культуру беларусаў, па-другое, – асноўныя звесткі аб асаблівасцях беларускай графікі і арфаграфіі, аб адметных рысах націску ў беларускай мове. У кнізе маецца і дадатак, дзе змешчаны тэксты для замацавання навыкаў беларускага літаратурнага вымаўлення, а таксама невялікія беларуска-славацкі і славацка-беларускі слоўнікі. Думаецца, ёсць усе падставы ахарактарызаваць дадзеную працу як ґрунтоўны дапаможнік па беларускай мове для пачатковага этапу навучання славацкіх студэнтаў.

Асноўны (фанетычны) матэрыял размеркаваны аўтарам па двух вялікіх раздзелах: "Чытаем" і "Пішам". Напэўна, разгляд найважнейшых фанетычных асаблівасцей беларускай мовы праз прызму яе пісьма нельга лічыць наватарскім, але такі "букварны" падыход з'яўляецца ў дадзеным выпадку найбольш аптымальным, паколькі дазваляе вырашыць адразу некалькі галоўных для пачатковага этапу навучання дыдактычных задач: выпрацаваць і замацаваць у студэнтаў навыкі чытання і пісьма па-беларуску і, адшліфоўваючы вымаўленне, паступова ўзбагачаць іх